

На правах рукописи

ВИНОКУРОВА
Ирина Юрьевна

**ЖИВОТНЫЕ В ТРАДИЦИОННОМ
МИРОВОЗЗРЕНИИ ВЕПСОВ
(ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ)**

Специальность 07 00 07 – этнография, этнология, антропология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Петрозаводск
2007

Работа выполнена в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН

Официальные оппоненты доктор исторических наук, профессор
Г А Бернштам
доктор исторических наук, профессор
В В Пименов
доктор исторических наук
И А Разумова

Ведущая организация Российский этнографический музей

Защита состоится "6" ноября 2007 года
в "14" часов на заседании диссертационного совета Д 002 123 01
по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН по адресу 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб , 3

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера)

Автореферат разослан "22" сентября 2007 года

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук

А И Терюков

I ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. В мировоззрении и сакральных сторонах жизнедеятельности всех народов роль животных удивительно многогранна: тотемизм, природно-хозяйственный и социально-религиозный культы, магия и связанные с нею суеверия и т.д., приписывающие разным представителям фауны свои «сверхъестественные» места в космоприродном мире и особую связь с человеком. Этот диапазон присущ и мифолого-религиозной традиции вепсов. Уже при первом знакомстве с различными сферами их традиционной культуры обращает на себя внимание всеобщность и обилие зооморфных образов. Они входят в представления о пространстве и времени, в воззрения на природу и болезни, демонологию, пронизывают обрядовую, изобразительную и вербальную системы, отражаются в номенклатуре физических, эмоциональных, интеллектуальных и прочих свойств людей, в этнонимии. Одно это перечисление свидетельствует о важности выявления и исследования вепских народных представлений о животном мире, которое никогда не предпринималось в отечественной и зарубежной науке. Образующие особый фрагмент традиционного мировоззрения вепсов, эти представления позволяют существенно продвинуться в деле его изучения, осмыслить так называемый «зоологический код» вепской культуры.

В научной литературе традиционное мировоззрение обычно определяют как сложившуюся еще в эпоху господства мифопоэтического мышления систему взглядов народа на мир и на место в нем человека, которая эволюционировала, изменялась, но в общих чертах продолжает сохраняться вплоть до настоящего времени¹. Сфера традиционного мировоззрения является одной из важнейших этнических характеристик, без которой невозможно составить представление об этносе в целом, его этнической истории, менталитете, образе жизни, специфике культуры.

Однако исследование традиционного мировоззрения крайне необходимо не только с чисто научной точки зрения. Оно имеет большое значение и для современной жизни народов, особенно малочисленных и малоизученных, каковыми являются вепсы, поскольку условием их этнического выживания и консолидации являются как сохранение и развитие языка, так и знания о своем культурном наследии, способствующие повышению этнического самосознания. Кроме того, из опыта мировой культуры мы знаем, что мифология всегда была неисчерпаемым родником для развития профессиональных форм искусства. В настоящее время,

¹ Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск, 1988, с. 6

когда вепсская литература и поэзия делают первые успехи, благоприятную роль в их дальнейшем развитии, а также в зарождении театрального искусства, может сыграть обращение к архаическим традициям

Знакомство с мифологическим наследием способствует также выработке культурного идентитета народа и его различению в разноцветном мире этносов. Один из пунктов в решении этой проблемы включает работу по созданию национальной символики и эмблематики. Об их назревшей необходимости говорят, в частности, многие эпизоды из вепсского национального движения.

Цель и задачи исследования. Актуальность выбранной темы и ее непознанность определили цель и задачи данной работы. Цель исследования – реконструкция вепсских традиционных представлений о животных, которые в течение столетий передавались от поколения к поколению и до сих пор пронизывают все сферы народной культуры. При этом под традиционным представлением, составляющим основную таксономическую единицу нашего исследования, будет пониматься ментальная конструкция, являющаяся достоянием коллективного (общественного) сознания. Предполагается выявить общую систему взглядов народа на животный мир, а также воззрения, связанные с отдельными его видами. Итогом работы должно стать построение своеобразной «вепсской галереи животного мира» из наиболее характерных для этнического мировоззрения диких и домашних особей, разделенных по иерархическому принципу – культовые / не культовые.

Обозначенная цель исследования предполагает решение следующих конкретных задач:

- воссоздание народной зоологической классификации вепсов, включающее определение «классов», групп и подгрупп животных², а также основных критериев их выделения,
- рассмотрение религиозно-магических истоков и идей, лежащих в основе зооморфных культов,
- выявление негативных представлений и обрядов в культурах животных тотемистического, промыслового и скотоводческого круга и, по возможности, причин их появления.

Задачи рассматриваются в многоплановой исторической ретроспективе (социально-хозяйственной, этнокультурной, межэтнической), поскольку в течение своего многовекового существования зоо-орнито-эндоморф-

² Понятие «класс» в русском языке многозначно. В диссертации под этим термином понимается объединение животных, имеющих какие-нибудь общие признаки. Термин группа употребляется в двух значениях: как синоним класса или, при необходимости большей дробности, как его подразделение. Подгруппа – часть группы.

ные представления и культы, несмотря на свою относительную устойчивость, подвергались различным трансформациям

В исследовании учитывается локальная специфика того или иного представления, а именно факт его наличия (в любых разновидностях) или отсутствия в отдельных очагах вепского расселения. Ареальный ракурс расширяет возможности семантизации фрагментарных представлений, а также помогает в определении их особенностей у локальных групп вепского народа

Историография и источники по исследуемой проблеме. Мир фауны в традиционных представлениях вепсов никогда не был предметом научного исследования, поэтому крайне важны методические и источниковедческие инструменты, от которых зависят результаты нашей работы

«Мифологическая картина мира», частью которой являются и животные, отражается не только, а у иных народов и не столько в мифологических сказаниях, сколько в других «слагаемых» культуры. Поэтому необходимо учитывать все ее проявления, связанные с миром (или образами) животных. Это касается и источников, и историографии

В отличие от многих финно-угорских народов, вепсы стали объектом научного изучения сравнительно поздно – только во второй половине XIX в., через много лет после «открытия» их А. М. Шегреном в 1824 г., когда вепская культура уже подверглась значительному «обрусению» и городскому воздействию, а многие ее самобытные явления и даже целые области навсегда ушли в прошлое. Так, у вепсов не зафиксированы космогонические мифы, широко известные у других финно-угорских народов, в частности, о водоплавающей птице, ныряющей за землей на дно океана, и о творении мира из яйца, снесенного птицей. Нет у них и этиологических мифов, рассказывающих об особенностях поведения и облика животных, и мы можем только предполагать, что они содержатся в «скрытом» виде в каких-нибудь сферах и жанрах народной культуры. Достаточно смутное представление мы имеем о символике вепского национального костюма, наверняка содержавшей необходимую для нас зооморфную изобразительность, на что указывают сравнительные материалы по этнографии многих народов

Уже эти отдельные примеры «белых пятен» в исследовании вепской культуры говорят о том, что у каждого народа будет существовать своя особая источниковедческая база для выявления и изучения комплекса традиционных представлений о животных. При этом не все источники будут обладать одинаковой ценностью в решении поставленных задач

В диссертации использованы три группы источников

1. Опубликованные исследования по гуманитарным и естественным наукам

а) Этнографические работы. Важной группой источников являются данные этнографии о вепсских верованиях в животных, составляющие основу для реконструкции. Такие работы представлены единицами. Первым попытался поднять вопрос о культах животных у вепсов В. В. Пименов³. На основе археологических данных и некоторых позднейших этнографических фактов автор выделяет ряд культовых животных у вепсов: зайца и волка (с некоторой долей сомнения), утки, лебедя, медведя и коня (достаточно уверенно).

При изучении мифологических представлений велика роль изобразительного искусства народа. Оно может как дублировать данные, полученные из других источников, так и выступать единственным, но достаточно авторитетным, информативным документом. В этом плане большое значение для нашего исследования имеют труды А. П. Косменко⁴.

Выявление мифологической символики животных невозможно без привлечения материалов по обрядовой культуре этноса. Образы животных в обрядах многообразны: это и реальные существа, на которые направлены магические действия людей (промысловые, продуцирующие, защитные, лечебные, вредоносные и др.), и их символы – полные (ряженные и чучела животных) и частичные (органы и части тела). Особую группу составляют образы мифопоэтических животных. Обряды промысловые, окказиональные, календарные и жизненного цикла получили разное освещение в этнографических публикациях о вепсах. Они были учтены при разработке данной темы.

Для проблематики нашего исследования будут существенны также работы, посвященные хозяйственным занятиям вепсов, в особенности, – охоте, рыболовству, животноводству. Среди них, прежде всего, следует назвать статьи второй половины XIX в. Е. Леверовского, П. Минорского, Г. И. Куликовского и др., опубликованные в периодической печати.

б) Фольклорные источники. Отголоски древних воззрений о животном мире в виде отдельных образов, сюжетов и мотивов можно встретить в различных жанрах фольклора. Вепсский фольклор – область почти неисследованная, хотя публикации вепсских фольклорных произведений, представленные в нескольких сборниках, главным образом, диалектологических, существуют и могут служить незаменимым источником для нашей реконструкции. В работе над темой использованы образцы вепсского фольклора, опубликованные финляндскими лингвистами А. М. Шегреном,

³ Пименов В. В. 1) Этническая принадлежность курганов юго-восточного Приладожья // Советская археология. 1964, N 1. С. 97, 2) Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.-Л., 1965. С. 84.

⁴ Косменко А. П. 1) Народное изобразительное искусство вепсов. Л., 1984, 2) Традиционный орнамент финноязычных народов Северо-Западной России. Петрозаводск, 2002.

Э Леннротом, А Алквистом, Е Н Сетяля, Ю Х Калой, Л Кеттуненом, Ю Райнио, А Туруненом, А Совиярви и Р Пелтолой в мало доступных для российского читателя изданиях

в) Лингвистические источники. Особой значимостью при изучении народных представлений о мире фауны обладают лингвистические данные, прежде всего, – лексика, связанная с названиями самих животных, их анатомией и повадками. Именно с выявления вепских зоонимов, по сути дела, началась работа над данной темой.

Важнейшим лингвистическим трудом для изучения народных представлений о животном мире является «Словарь вепского языка»⁵. В нем представлены не только названия животных в различных вепских диалектах и говорах, но также и растительная, астрономическая, медицинская, строительная, бытовая лексика, в которой используется народный зоологический код. Помимо терминологии, «Словарь» включает большое количество фольклорного материала – поверий, примет, пословиц, фразеологизмов, упоминающих различных представителей животного мира.

Существенным источником реконструкции оказались также работы И И Муллонен о вепских топонимах и антропонимах, основу которых составляют названия животных⁶.

В вепских зоонимах представления о животных отразились по-разному: в одних они «прозрачны» – *g'umalan'ehmañe* ‘божья коровка’, *sarak'induñe* (*sarakaz* – развилыстый, *induñe* – птица) ‘ласточка’, в других – выявляются с помощью этимологии. Последняя играет большую познавательную роль, вследствие чего для реконструкции привлекались различные этимологические словари.

г) Археологические источники. По мнению многих ученых, предкам современных вепсов принадлежат курганы Юго-Восточного Приладожья (X–XIII вв.) – могильники в ареале бассейнов рек Сяси, Паши, Капши, Ояти и Свири, а также археологические объекты Белозерья – грунтовые могильники, курганы, «домики мертвых», жальники, поселения (VI–XIII вв.). Этим памятникам посвящена обширная литература (труды В И Равдоникаса, А М Линевского, С И Кочкуркиной, Л А Голубевой, А Н Башенькина и др.), в которой есть информация по нашей теме.

д) Памятники раннесредневековой письменности. Датированные сведения о роли животных в хозяйственных занятиях и верованиях народа

⁵ Зайцева М И, Муллонен М И. Словарь вепского языка. Л, 1972.

⁶ Муллонен И И. 1) О вепской антропонимии (опыт топонимической реконструкции) // Советское финно-угроведение. Таллин, 1988, № 4. С. 271–282. 2) О “святых” топонимах и некоторых следах древних верований в вепской топонимии // Родные сердцу имена. Ономастика Карелии. Петрозаводск, 1993. С. 4–12. 3) Очерки вепской топонимии. СПб, 1994 и др.

содержатся также в крайне малочисленных памятниках древней письменности иностранных путешественников и писателей Адама Бременского (1070 г), Ахмета Ибн Фадлана (921-922 г) и Абу Хамида аль-Гарнати (XII в)

е) Труды отечественных и зарубежных ученых, в которых обобщены универсальные взгляды человечества на животный мир, выявленные на основе изучения мифологий и религий народов мира Назовем только некоторые из них, ставшие для нас наиболее важными в систематизации и интерпретации вепского материала монографии Э Б Тайлора, Д Д Фрэзера, С А Токарева, З П Соколовой, статьи Г Джоубса, А де Вриеса, В В Иванова, В Н Топорова, Е М Мелетинского, С Валенса, Г Бидерманна в энциклопедиях⁷

ж) Сравнительные междисциплинарные данные по финно-угорским и славянским народам

з) Источники по зоологии и географии территории расселения вепсов

2 Архивные материалы

Часть источниковедческой базы составили различного рода архивные материалы и исследования в СПб – Русского географического общества (РГО), Библиотеки Академии наук (БАН), Российского этнографического музея (РЭМ), Музея антропологии и этнографии (МАЭ), Музея истории религии (МИР), в Петрозаводске – Архива Карельского научного центра (АКНЦ), в Хельсинки – Фольклорного архива Общества финской литературы (SKS) Наиболее существенные документы, использованные в нашем исследовании в архиве РГО – дела М Юнсовского, А С Клеппета, А Ф Головина, А В Фомина (Светляка) А В Фомину (Светляку) принадлежит и часть рукописи «Наша Шимозерия», которая хранится в архиве БАН Из материалов МАЭ и МИР следует особо отметить данные Н Н Волкова о вепских верованиях и обрядах В АКНЦ важными для нашего исследования оказались рукописи С А Макарьева, Д М Пушкина и К А Силакова, полевые материалы и диссертация Н И Богданова В архиве SKS были найдены уникальные этнографические и фольклорные тексты на вепском или финском языках, записанные среди северных вепсов в годы Великой Отечественной войны финляндскими офицерами по просвещению Ю Перттолой и С Сяски Эти тексты были нами пере-

⁷ Тайлор Э Б Первобытная культура М, 1989, Фрэзер Д Д Золотая ветвь М, 1998, Токарев С А Ранние формы религии и их развитие М, 1964, Соколова З П Животные в религиях СПб, 1998, Jones G Dictionary of mythology, folklore and symbols N Y, 1962 V 1–3, Ad de Vries Dictionary of symbols and magy Amsterdam, London, 1974, Мифы народов мира М, 1980 Т 1, 1982 Т 2, Walens S Animals // The Encyclopedia of Religion New York, 1987 V I, Бидерманн Г Энциклопедия символов М, 1996 и др

ведены и атрибутированы. Как и большинство других обнаруженных архивных материалов, они впервые вводятся в научный оборот.

3 Полевые материалы

Значительную часть всех сведений составили экспедиционные материалы, собранные автором в 1981–1994 гг., 1997–1998 гг. (по гранту РГНФ) и 2001–2004 гг. (по гранту «Интеграция») самостоятельно или в составе комплексного исследовательского коллектива практически во всех ныне существующих поселениях северных, средних и южных вепсов. Полевые исследования велись также в русских деревнях Вологодской обл., которые еще в сер. XIX в. считались вепскими: в Куштозере, Ундозере, Сяргозере, Пустынке Вытегорского р-на и в Киино, Аксентьевской, Верхнем Конце Бабаевского р-на.

Методика исследования. Для реконструкции вепских традиционных представлений о животном мире применялся комплексный подход к исследованию с привлечением данных по гуманитарным и естественным наукам. Сбор полевых материалов осуществлялся с помощью методов непосредственного наблюдения и интервью по специально подготовленному развернутому вопроснику. При составлении вопросника учитывались все источники по вепской культуре, «Указатель типов и мотивов финских мифологических рассказов» Л. Симонсуури, книга А. В. Гуры о славянских животных представлениях⁸. Во время экспедиций 1997–1998, 2001–2004 гг. вопросник явился «ключом» к сбору значительного и ранее неизвестного материала по теме исследования среди локальных групп вепского этноса.

Далее для анализа собранных фольклорно-этнографических текстов, содержащих упоминание о персонажах фауны, применялись методы теоретического исследования: структурно-семиотический в сочетании с типологическим и сравнительно-историческим. Важное методическое положение ведущих ученых-этносемиотиков о том, что любой этнографический факт обладает символическими и утилитарными свойствами, мы применили к исследованию каждого животного вида и «класса». В фольклорно-этнографическом тексте выделялись «элементарные единицы» – символы, содержащие одну или несколько идей о животном, а также реальные представления. Полученные информативные данные соотносились между собой, фиксировались повторения или новые сообщения. В результате суммирования представлений некоторые животные образы становились средоточием пучка различных признаков.

⁸Симонсуури Л. Указатель типов и мотивов финских мифологических рассказов (перевод с немецкого Н. А. Прушинской) Петрозаводск, 1991; Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.

По необходимости к полученным данным подключался типологический метод исследования для выявления из множества признаков наиболее существенных, определяющих ранние формы почитания животных у вепсов (тотемизм, промысловый и скотоводческий культы) и «модели» некоторых обрядов

Структурно-семиотический анализ дополнялся сравнительно-историческим народные представления о мире фауны рассматривались на протяжении огромного отрезка времени (с древности и до современности) и в сравнении с традициями различных народов, прежде всего, финно-угорскими и славянскими. При этом привлекались все основные виды сравнения – сопоставительное, историко-генетическое, историко-типологическое и историко-диффузное. Смысл последних трех типов сравнения состоял «не просто в том, чтобы выявить сходное и различное в соответствующих явлениях и подготовить материал для их объяснения, а в том, чтобы получить обоснованный и принципиальный ответ на вопрос об истоках и причинах общности»⁹

Научная новизна

– В диссертации впервые в отечественной и зарубежной этнологии представлен опыт реконструкции и анализа одного из важнейших фрагментов традиционного мировоззрения вепсов – мифолого-религиозных представлений о мире фауны

– Впервые на вепских материалах разрабатывается одна из малоизученных проблем этнозоологии – реконструкция народных классификаций фауны, дающих представление о мифологии, верованиях и зачатках научных знаний у этносов в древности

– Впервые, благодаря привлечению широкого круга источников, подробное рассмотрение получает ранее поднятая исследователями проблема выявления зооморфных культов у вепсов

– В диссертации продемонстрирован новый подход к проблеме зоолатрии. При исследовании зооморфных культов внимание обращено не только на представления и обряды почитательно-уважительного характера, как это обычно делалось во многих религиоведческих работах, но и на негативные действия и характеристики, адресованные почитаемому животному, которым, по возможности, дается объяснение

– На основе исследования вепских традиционных представлений о мире фауны получены новые результаты об этнокультурных заимствованиях, влившихся в вепскую культуру

– В научный оборот вводятся ранее неизвестные оригинальные архивные и полевые материалы

⁹ Путилов Б Н Методология сравнительно-исторического изучения фольклора Л , 1976 С 6

Практическая значимость

Практическая значимость проведенного исследования состоит в восполнении одной из существенных лакун в исследовании культуры вепсов, а именно их мифолого-религиозной традиции. Выводы диссертации могут быть важными аргументами в решении спорных вопросов этнической истории и культуры вепсов. Введенные в научный оборот материалы представляют собой не только разные жанры вепсской традиционной культуры, но и образцы вепсской диалектной речи, поэтому в равной мере будут полезны как этнографам и фольклористам, так и лингвистам. Диссертационные данные могут быть использованы в учебном процессе для подготовки лекционных курсов и написания учебников по этнографии, фольклористике и лингвистике вепсов и других финно-угорских народов, при руководстве студенческими курсовыми и дипломными работами.

Настоящее исследование способно помочь в осуществлении различных культурных проектов, направленных на сохранение малочисленного вепсского народа в разработке современной национальной символики, геральдики вепсских поселений, в подготовке театрализованных представлений, музейных экспозиций, научных и научно-популярных передач по радио и телевидению, художественных фильмов.

Опыт такого внедрения уже имеется. С 1993 г. лекции о вепсской мифологии, в том числе и о животном мире, входят в спецкурс по этнографии вепсов и карел, который автор ежегодно читает студентам факультета прибалтийско-финской филологии и культуры в Петрозаводском государственном университете. Материалы исследования изучались работниками культуры для создания герба Вепсской национальной волости Республики Карелия, радио- и телевизионных передач, туристических маршрутов и экскурсий. В 2005 г. к работам автора о вепсской мифологии обращался коллектив государственного ансамбля песни и танца Карелии «Кантеле» для подготовки театрализованной программы «Vepsänman noiduz» («Вепские фантазии»). В январе 2006 г. состоялась ее премьера. Некоторые реконструированные в диссертации обряды по рекомендации автора были включены в сценарий видеофильма «Вепская свадьба», подготовленный «Союзом вепсской молодежи Карелии». В 2006 г. на конкурсе финно-угорских фильмов в г. Ижевске фильм занял призовое место.

Апробация работы. Результаты исследования были представлены

– в отчетах и докладах на заседаниях сектора этнологии и Ученого совета Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН,

– в монографиях: Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов (конец XIX – начало XX в.) СПб, 1994, 9,36 п.л., Традиционные праздники вепсов Прионежья (конец XIX – начало XX в.) Петрозаводск, 1996, 9,6 п.л., Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконст-

рукции) Петрозаводск, 2006 35 п л (проекты на издание двух последних успешно прошли конкурсный отбор и были поддержаны Российским гуманитарным научным фондом в 1995 и 2004 гг),

– в статьях, в том числе и опубликованных в ведущих научных журналах, утвержденных ВАК Министерства образования и науки РФ,

– в докладах на различных научных мероприятиях III и IV международных финно-угорских чтениях (СПб, РЭМ, 1994, 1997), международных симпозиумах «Этнография крестьянского двора» (СПб, МАЭ, 1994), «Традиционная культура финно-угров и соседних народов» (Петрозаводск, 1997), международной летней школе «Традиция и конфликты идентитетов» (Йоэнсуу, Финляндия, 1995), международных конференциях «Рябининские чтения» (Петрозаводск, 1999, 2003), «Народные культуры Русского Севера» (Архангельск, ПГУ, 2003), IX и X Международных конгрессах финно-угроведов (Тарту, 2000, Йошкар-Ола, 2005), III и VI конгрессах этнографов и антропологов России (Москва, 1999, СПб, 2005), Первом всероссийском конгрессе фольклористов (Москва, 2006), региональных конференциях «Вепсы история, культура, межэтнические контакты (К 100-летию со дня рождения С А Макарьева)» (Петрозаводск, ИЯЛИ, 1995), «Итоги комплексного междисциплинарного экспедиционного исследования традиционной культуры народов Карелии и сопредельных территорий» (Петрозаводск, ПГУ, 1998, 1999, 2002), юбилейных конференциях, посвященных 70-летию и 75-летию ИЯЛИ КарНЦ РАН (Петрозаводск, 2000, 2005)

Структура работы. Диссертация состоит из введения, восьми глав, заключения, списка использованной литературы и приложения, в которое входят схемы, таблицы и иллюстрации. Общий объем работы 572 страницы

II ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во «**Введении**» обосновывается актуальность темы, ее научная и практическая значимость, определяются цели и задачи диссертации, источники и методы исследования

Поскольку важной задачей работы является выявление культовых животных в вепском традиционном мировоззрении, один из разделов «Введения» посвящен определению объема и границ такого ключевого понятия как «культ» и производного от него слова «культовый» применительно к персонажам фауны. Содержание понятия «культ», в том числе – и применительно к животным, уже неоднократно подвергалось критике рядом ученых (Е А Крейнович, Е С Новик, Е В Антонова, С П Нестеров). В работе анализируются некоторые формулировки культа в отечественной научной литературе и делается заключение о том, что они имеют раз-

ночтения и недоговоренности. Изначальной позицией автора в вопросе о культе является обращение к исходной трактовке этого латинского по происхождению термина. Слово «культ» в русском и многих западноевропейских языках (англ. cult, нем. Kult, франц. culte, польск., словац. kult, сербохорв. култ и др.) происходит от лат. cultus в значении «почитание, поклонение, уважение». Однако в ряде рассмотренных формулировок исходный признак культа – почитание – вообще отсутствует. Используя сильные стороны различных формулировок и упуская слабые, автор дает следующее определение культа – коллективное почитание какого-либо объекта, выраженное в совокупности различных мифолого-религиозных представлений и обрядов. Таким образом, культ определяется объектом, обладающим в мифолого-религиозных представлениях особыми сверхъестественными свойствами. Следуя исходной семантике культа – «почитание, поклонение», на объект направлены соответствующие обряды – преимущественно почтительно-уважительного характера. Но, определившись с характером обрядов, нельзя оставить без внимания рассуждения по этому вопросу одного из критиков культа Е. С. Новик о том, что не все действия, адресованные сверхъестественным объектам, можно назвать культовыми в прямом значении слова «культ», поскольку некоторые из них не содержат элементов почитания (например, у кетов угощение враждебных духов, а затем шум, террор, уничтожение их изображений и т. д.)¹⁰ В отличие от Е. С. Новик, автор считает, что негативные проявления обычно относятся к внемонотеистическому культу и могут быть отражением различных стадий его развития (становления, разрушения и т. д.), проходивших под влиянием многих факторов исторического, хозяйственного, этнического, религиозного характера.

В «чистом» виде культ животных проявляется, прежде всего, в тотемизме – самой древней универсальной форме почитания животных, определяемой как комплекс верований и обрядов родового общества, связанный с представлением о родстве между группами людей (обычно родами) и так называемыми тотемами – видами животных (реже растениями, явлениями природы и неодушевленными предметами). В почитание животного-тотема входит совокупность признаков и действий родовое тотемическое имя (впоследствии имена трансформировались в прозвища или фамилии), запрет наносить вред тотему, главным образом – убивать и употреблять в пищу, верования о связи человека с животным – их взаимопревращения, половое сожительство, биопсихическое сходство, охранительные свойства тотема и его отдельных частей и др. Однако ученые называются и другие формы почитания животных, в которых различ-

¹⁰ Новик Е. С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме. М., 1984. С. 111–112.

ные представители мира фауны не умещаются в схему определения «культа» – «почитаемый объект – обряды» промысловый культ, который содержит два объекта почитания – животных и их покровителей (духов-«хозяев»), инкарнация богов в животное, животное – одна из предпочтительных жертв божествам и др

Данные явления автор, как и большинство исследователей зоолатрии (Л Я Штернберг, С А Токарев, З П Соколова и др), объясняет разными стадиями развития зооморфных культов В течение многовековой истории человечества менялись идеи, а с ними менялись и культы, приобретаемая весьма сложные формы Принимая во внимание неизбежный факт исторического изменения, в диссертации под «культовыми» или «почитаемыми» животными понимаются а) животные – непосредственные объекты культа, б) представители мира фауны, которые в результате длительной эволюции и трансформаций зоолатрии стали «обслуживать» культы различных сверхъестественных существ (в качестве их жертв, атрибутов, спутников, посредников, призраков и т д)

Глава 1. «Вепсская народная классификация животного мира»

Уже в древности по воззрениям каждого народа мир фауны членился на классы животных и критерии этого членения отличались от научных Данная глава посвящена предварительной реконструкции традиционной зоологической классификации у вепсов, включающей определение классов (или групп) и подгрупп животных, а также основных критериев их выделения, какими они нашли свое выражение в комплексе лингвистических данных и различных фольклорно-этнографических текстов

Вепсская классификация животного мира, если и существовала как система, то к настоящему времени сохранилась в виде фрагментов По ним не всегда можно определить класс животных и к какому из них принадлежат те или иные виды фауны Не помогает и основополагающий источник – терминология, из которой, как свидетельствуют сравнительная лексика прибалтийско-финских языков и вепсская топонимия, исчезло большое количество собственных имен животных, порою – ведущих в мифологиях других финно-угорских народов

Судя по сохранившимся в вепсской бытовой речи собирательным зоонимам, в традиционном мировоззрении вепсов различались следующие объединения – «классы» животных

lindud (ед ч *lind*) – птицы,

zverid, zvirid (ед ч *zveř, zvirř*) – звери, дикие животные,

kalad (ед ч *kala*) – рыбы,

kud, madod, ujeřid (ед ч *ku, mado, ujeři*) – змеи, червяки, гусеницы, т е «змееподобные»,

gaved'id' (ед ч *gavet'*) – насекомые,
živatad (ед ч *živat* 'животное'), *kodiživatad* (букв «домашние животные»), *ičemoi živatad* (букв «свои животные») – домашние животные, скот

Анализ собранных материалов привел к выводу, что классы *lindud*, *zverid*, *kalad* выделяются достаточно отчетливо, образуя замкнутую группу. В основе их выделения лежали два критерия.

1 Набор морфологических признаков, отличавших данную группу животных от всех остальных. Эти признаки были выявлены народом в процессе многовекового общения с природой и хозяйственной деятельности. Но при этом, как полагают исследователи, любое явление, отмеченное в традиционном мировоззрении, обладало как реальным, так и символическим смыслом «Двойную природу» (определение А.К. Байбурина) имели как классы животных в целом, так и их зоологические признаки. Например, характерные для птиц пух и перья являлись «главными принадлежностями колдовства» у вепсов, чешуя рыб – талисманом, звериная шкура – оберегом и т.д.

2 Сфера обитания животного. Второй критерий определялся понятиями «обычный» или «постоянный», поскольку некоторые животные на какое-то время могли изменить свое место обитания: например, кукушка сесть на крышу дома или белка прибежать в деревню и т.д. Подобные ситуации обычно считались «чрезвычайными» и наполнялись мифологическим содержанием. Каждый локус в народных представлениях также обладал не только реальными, но и символическими свойствами. Например, для неба, в котором летали птицы, важнейшими были «чистота», «легкость», «божественная сущность», для воды – место обитания рыб – «плодородие», «смерть» и т.д. Эти свойства нередко переносились и на соответствующие зоологические классы или на их характерных представителей.

С определением других классов дело обстоит сложнее. Они как бы переходят из одного в другой, объединяясь по разным признакам на основе морфологии – *kud*, *madod*, *čelid* – «змееподобные», *gaved'id'* 'насекомые' – «очень мелкие», на основе сферы обитания и человеческого ухода, в частности, выражаемого множеством различных обрядов, – *živatad*, *kodiživatad* (букв «домашние животные»), *ičemoi živatad* (букв «свои животные») 'домашние животные'.

Источниками формирования зоологических воззрений вепского народа на классы животных были не только накопленные эмпирическим путем наблюдения за природными явлениями в их рационально-иррациональном синкретическом единстве, но и распространенные под влиянием

православия библейские образы сотворения мира – «животные твари» по родам их, подчиненные человеку Выделенные в Библии классы фауны животные воды (пресмыкающиеся, рыбы), животные неба (птицы), животные земли (скот, гады, звери), – явились основанием любой мировоззренческой классификации животного мира, в том числе и вепсской

В главе обозначенные терминологически классы животных и некоторые их виды сопоставляются на мифолого-языческом и христианском уровнях

В данной части исследования приводятся любопытные факты, свидетельствующие о распространении библейских знаний в вепсских деревнях в сер XIX в., указываются посредники в их распространении церкви, в которых происходили богослужбные чтения Книги Бытия и Псалтири, школы, открытые в ряде вепсских поселений еще в 1860-х гг., русские крестьяне, от которых вепсы усваивали христианские идеи о животном мире, переработанные в духе народного понимания православия

Далее дается описание основных классов животных по характерным признакам

П т и ц ы (*lindud*) связаны с небом – верхом Основные их внешние признаки, отличающие от других групп покрытое пухом и перьями небольшое тело, клюв, крылья Наличие этих признаков выразилось в вепсской лексике *nok* – клюв, *suug* – перо, крыло, *hunuh* – пух

По наличию крыльев вепсы относили к ночным птицам и летучую мышь Такая особенность вепсской этнозоологической классификации была выявлена на основе вепсской и сравнительной прибалтийско-финской терминологии и народных рассказов Это представление соответствует и библейскому – о нетопыре как нечистой птице (Лев 11 24)

Важным «орнито-признаком» класса птиц является особое издание звуков – “пение” – *pajatand*, *pajatus* Многие виды птиц у вепсов описываются в терминах, отмечающих именно этот признак, например журавль, ласточка, ворон, сова, филин, тетерев, петух

З в е р и (*zverid*, *zvirid*) Этим названием, заимствованным от русских, обозначались «дикие млекопитающие», – обитатели леса Основные внешние признаки диких зверей, также как и птиц, выражены в лексике В отличие от других животных природного мира, передняя часть головы зверей (морда) выделена особым названием – *karz* Тело – на четырех лапах (*kapš* ‘лапа’) и покрыто шерстью (*karv*)

Р ы б ы (*kalad*) – класс с особым набором морфологических признаков, важнейшие из которых нашли отражение в вепсской лексике *somuz* ‘чешуя’, *šahlad*, *šahlod*, *šahlud* ‘жабры’, *tuuk*, *touk*, *molk*, *madahm* ‘рыбья икра’, *maid*, *meid* ‘молока’, и с единственным локусом обитания (даже по мифологическим представлениям) – водой

«Змееподобные» (*kud, madod, ujehd*) – змеи, червяки, гусеницы. Такой видовой состав класса свидетельствует о том, что критерием его выделения явился наиболее заметный внешний признак его представителей – длинное в виде веревки тело. Самые яркие представители этого класса – змея (*mado, ujeŕi, gad*) и ящерица (вепс *šizhk*).

Семантика лексем *mado* и *gad* присоединяет к «змееподобным» ряд существ, которые обитают в водной сфере *vezimado* (букв «водяная змея»), *vezigad* (букв «водяной гад»), *poromado* (букв «шадриковая змея») – пиявка, *g'uuhmado* (букв «волосая змея») – волосатик. Такое объединение земных и водных «змееобразных» в один класс соответствует мифологическому и христианскому уровням. По мнению ученых, в мифологиях многих народов нижний мир мог быть представлен не только подземной, но и водной сферами. В Библии пресмыкающиеся делятся на водных и земных (гадов).

В вепсской зоологической классификации удалось обнаружить и другие небольшие группы животных, разделяющие, как и «змееобразные», характеристики двух экологических категорий – земли и воды, но у которых, в отличие от выше рассмотренных объединений, собирательные термины отсутствуют. В работе они условно названы «мышьеобразные» и «земноводные». Лексический анализ позволил определить основных представителей группы «мышьеобразных» *hr* 'мышь', *nugahr* 'земле-ройка' (букв «остроносая мышь»), *vezihr* 'водяная крыса' (букв «водяная мышь»), *krot* 'крыса', *makrot* 'крот' (букв «земляная крыса»). К земноводным относятся лягушка и жаба, биологическое сходство которых отражено в названиях, ср. лягушка – сев вепс *lopei*, сред вепс – *loč, loc, lopor, kokši*, южн вепс *samba*, жаба – сев вепс *rubi+lopei*, сред вепс – *rubi+loč, rubi+loc, rano+loroi, ma+loroi, kokši*, южн вепс *rubi+samba*.

Насекомые (*gaved'id*) – класс, отличительный внешний признак которого – ничтожные размеры. Особенностью этого класса является также многообразие сфер обитания. Так, к небесным существам относится, например, *jumalanlehmaiŕe* – букв «божья коровка» (неслучайно определение «божий»). На земле (в лесу, траве, поле) проживают муравьи, кузнечики и т.д., в воде – *vežitai* 'водяной жук', *vežilude* 'водяной клоп', *vedentaŕiŕi* 'водомер', в доме – клопы и тараканы и т.д. Тем не менее, этот класс обнаруживает достаточно расплывчатую границу со «змееобразными». И это отчасти понятно: многие насекомые за свой жизненный цикл могут пребывать как в ипостаси пресмыкающегося, так и летающего насекомого, например, моль, светлячок, бабочка, муравей. В качестве доказательств, свидетельствующих о нечеткости очертания границ класса, автором приводятся уникальный текст южновепсского заговора, дан-

ные о происхождении названия *gavei* в вепском языке, библейские представления

Характерная черта насекомых – символическое уподобление представителям других классов Эти представления можно обнаружить в вепских поверьях, ритуалах и названиях, например медведь – вошь, скот – муравьи, птица – бабочка и т д

Лексический материал показывает, что основной состав класса домашних животных у вепсов, включающий собак, лошадей, крупный и мелкий рогатый скот, свиней, кур и петухов, сложился еще в период существования единой прибалтийско-финской общности (II тыс до н э – первые века н э) В средние века данный класс пополнился кошками, а в начале XX в козами Все эти виды животных у вепсов в настоящее время объединены термином русского происхождения – *živatad*, от которого образовались и производные *kodživatad* (букв «домашние животные»), *ičemoi živatad* (букв «свои животные») Большинство представителей класса “*Živatad*” наделены примерно тем же комплексом внешних морфологических признаков, что и класс зверей, только петух и курица «примыкают» к классу диких птиц

Классы диких зверей и домашних животных занимали определенное положение в системе пространственных координат Закрытое место домашних животных – хлев входит в культурное пространство людей (поселение, деревня, дом) Переход из него в открытое чужое пространство (лес, поле, водоем), происходивший для крупного и мелкого рогатого скота и лошадей каждый год, был полон опасностей и «обставлялся» различными охранительными обрядами, в первую очередь, ритуалом первого выгона скота в поле

Соотношение двух миров и диких животных с домашними нашло отражение и в системе временных представлений вепсов, а именно – в выделении двух временных периодов в вепском календаре *raimenen aig* ‘пастбищный период’ и *veraz aig* ‘чужое время’ Их крайние даты *Egorjev / Николин дни* (23 04/6 05 -9/22 05) и *Покров* (1/14 10) *Raimenen aig* – это период, в течение которого дикие и домашние животные могли существовать на одной территории, благодаря договору пастуха с духом леса *Veraz aig* – «время» разгула диких зверей (и лешего), когда скоту нельзя было появляться в лесу

Границы некоторых рассмотренных выше классов животных определяли и существующие у вепсов верования о духах-«хозяевах» или покровителях, разделяющих животный мир на сферы влияния Властелином и покровителем диких зверей был «хозяин» леса, по христианским представлениям – св Георгий Победоносец, рыб – водяной дух Хозяином домашних животных выступал дух хлева Духи леса и воды иногда при-

нимали облик тех животных, которым они покровительствовали. Сложнее обстояло дело с покровителями птиц и земных «гадов». По одним сведениям, все птицы «подчинялись» Богу, живущему на небе, по другим, лесные птицы – духу леса. Что касается пресмыкающихся, то, руководствуясь сравнительными материалами по мифологии некоторых народов, их покровителем мог быть дух-хозяин земли. Однако у вепсов связь духа земли (*maizānd*) и животных земли выявить не удалось. По представлениям вепсов, покровителем некоторых гадов (змей) оказался все тот же хозяин леса – самый популярный дух в вепсской мифологии. Нет у вепсов никакой информации и о духе, связанном с классом насекомых.

В вепсской классификации животного мира отмечаются следы иерархичности. В ней духи-покровители занимают места более высокие по сравнению с животными. В то же время среди животных выделяются существа более высокого ранга, например, медведь, который часто именуется как «царь всех зверей». Соответственно медведь – «царь» может быть функционально сопоставим с представителями других классов.

Не менее важным в вепсской классификации было деление внутри родов. Исходя из народных суждений, животные могли быть хорошими (положительными) – *huva* и плохими (отрицательными) – *huba* (*hond*, *paha*), а также хорошими для одной ситуации и плохими для другой (то есть, выражаясь научным языком, амбивалентными). Под хорошими животными, в первую очередь, понимались полезные – *tarbhežed*, *poleznyjad* и «безвредные» (безобидные) – *bezvrednyjad*. Плохими животными были те, которые приносили вред (*izjan*) человеку. Среди положительных животных выделялась группа, определяемая словом *jumalan* (*g'umalan*, *d'umalan*) 'божий', в которую входили «небесные создания» – ласточка, лебедь, бекас, голубь, божья коровка. На представления, связанные с этой группой, явно оказало влияние распространенное среди вепсов православие. Важным критерием разделения животных являлась съедобность. Соответственно этому критерию животные у вепсов делились на съедобных (чистых) – *puhtaz* и несъедобных (нечистых, поганых) – *pagan*. Пищевой запрет зависел от разных факторов: вкусовых качеств мяса животных, пережитков тотемистических воззрений, когда часть фауны для определенной группы народа становилась пищевым запретом, библейского разделения животных на чистых и нечистых.

Неясности и подробности намеченной схемы народной зоологической классификации вепсов определяются в последующих главах. По предварительному заключению, традиционная классификация строилась на мифологических (языческих) и христианских основах, а также народных естественнонаучных знаниях. В целом, различия между научной и народной классификациями выглядят достаточно существенными в первую

очередь, – в количестве зоономинаций (крупных и мелких), в классификационных единицах, в признаках животных и т.д.

В соответствии с намеченной зоо-классификацией последующие главы 2–7 посвящены отдельным классам животных и имеют примерно одну композиционную структуру: общая характеристика данного класса (группы), далее – детальный обзор его подгрупп и видов, выводы

Глава 2. «Птицы». В традиционном мировоззрении вепсов выявляется небесная семантика птиц (*lund* в общеродовом значении этого термина) – связь с Богом-Творцом, чистота, безгрешность. Весьма устойчивыми в вепсской традиции являются представления о душе-птице и птице-вестнике смерти. На основе текстов вепсских причитаний и сравнительных материалов по этнографии некоторых народов выдвигается предположение о возможном существовании у вепсов веры в две или несколько душ у женщин в виде различных птиц, соответствующих разным возрастам. Менее распространены представления о защитной и вредоносной функциях птиц.

§ 1. «Водоплавающие птицы». По представленным в диссертации материалам, существование культа водоплавающей птицы у вепсов не вызывает сомнений. В этом объекте поклонения нашли воплощение взаимосвязанные основополагающие идеи народа о рождении Вселенной, о плодородии, о существовании души после смерти, предков и иного мира. Эти представления имели неодинаковую степень развития. Они по-разному сгруппировались, в основном, только вокруг трех видов водоплавающих птиц: утки, чирка и лебедя. В некоторых случаях лебедя заменял гусь. Так, слабо сохранившаяся в вепсской традиции космогоническая идея была связана с уткой. Продуцирующие представления наиболее ярко проявились в приметах и жертвенных обрядах, относящихся к чирку, в причитаниях, где символом невесты и ее подруг была утка. Довольно четкие следы тотемистических верований обнаружались в культе лебедя, более стертые – в культе гуся и утки. Последняя воплощала в себе также анимистическую идею. Кроме того, образы этих птиц имеют различное отражение в мифологии вепсских этнолокальных групп. Например, в мифологической традиции северных вепсов чирок занимает значительное место, в то время как лебедь – почти никакого. У средних и южных вепсов с этими образами вырисовывается противоположная картина.

§ 2. «Журавль». Воззрения вепсов о журавле имеют сходство с представлениями о лебедь, но, в отличие от последнего, гораздо хуже и неравномерно сохранились в культуре современного вепсского населения. Запреты на убийство и употребление журавля в пищу, нашедшие отражение в рассказах и сказках, сказочные мотивы о журавлином оборотничестве, группа вепсских топонимов с основой *kuřg*, представляющая древ-

нее имя или прозвище человека, свидетельствуют о том, что у вепсов был распространен культ журавля, восходящий к тотемистическим представлениям. Наиболее живучими в культуре журавля оказались идеи возрождения природы, составившие основу многих примет и сезонных обрядов - встречи и прощания с этой птицей, кувыркания по земле

§ 3. «Ласточка». Приведенные в параграфе факты указывают на почтительное отношение вепсов к ласточке орнитоним *d'umalanlinduine* - букв «божья птичка», мифологические рассказы о ласточке как о любимой Богом-Творцом птице, запреты на ее убийство и разорение гнезда, наказания за нарушение табу причинять вред (кровь в коровьем молоке, веснушки) Совокупность обнаруженных явлений в общих чертах демонстрирует сходство с русским и, - шире, славянским комплексом На основе этого наблюдения в диссертации делается вывод о том, что на почитание ласточки у вепсов большое влияние оказали древние славянские и более поздние христианизированные представления

§ 4. «Дневные хищные птицы» посвящен характеристике трех представителей этой подгруппы - орла, ястреба и сокола

На территории расселения вепсов орлы представлены только беркутом и то в качестве очень редкой птицы Собственное вепское название этого вида забыто населением Универсальность и значимость культа орла в карельской и финской мифопоэзии заставило нас обратиться к поискам его следов в вепсской культуре Этот поиск показал, что культовые представления об орле (тотем, существо, близкое солнцу, создатель мира) в вепском традиционном мировоззрении прослеживаются довольно слабо и то, - только по менее компетентным источникам - ойконимам, притче, сказкам Источники первой значимости - поверья, приметы, мемуары, обряды, имеющие отношение к орлу, - не обнаружены Возможно, культ орла исчез у вепсов очень давно, вместе с постепенным исчезновением этой птицы из природного окружения, или же он «переориентировался» на более популярного у вепсов пернатого хищника - ястреба

В приводимых в параграфе высказываниях информантов о ястребе преобладают его отрицательные оценки злостный похититель кур, нечистая птица Они дополняются рассмотрением предохранительных куrowsодческих обрядов от ястреба с солярной символикой Отмечается, что в этих обрядах прослеживается параллелизм ястреба с солнцем, через который ястреб отождествляется с орлом Как и орел, ястреб известен в качестве вепского антропонима О некотором сходстве образов орла и ястреба и о доминировании последнего в вепском традиционном мировоззрении свидетельствуют и сказки Особое внимание уделено рассмотрению вепских легенд о ястребе - отрицательном персонаже Все эти данные позволили выдвинуть предположение, что в далеком прошлом

ястреб мог быть тотемом некоторых древневепских племен С утратой былого значения охоты и появлением куроводства ястреб стал рассматриваться как злостный вредитель хозяйства вепских крестьян

Сокол – самый распространенный мужской образ в вепских рекрутских и свадебных причитаниях, где он всегда символизирует холостых парней На основе анализа текстов с этим персонажем делается вывод, что образ сокола вместе с названием появился в вепских причитаниях под влиянием русского фольклора, скорее всего, вытеснив из вепского фольклора какой-то другой мужской птичий образ, быть может, селезня, соответствующего утке

§ 5. «Врановые» посвящен анализу образов четырех птиц – **ворона, вороны, сороки и сойки**, которые в верованиях, обрядах и фольклоре вепсов создают различные групповые комбинации, свидетельствующие об общих представлениях Наиболее четкий объединяющий признак этого подразделения пернатых – нечистая природа

С помощью различных примет, мифологических рассказов и сказок доказывается, что у вепсов, как и многих европейских народов, **ворона и ворон** – птицы, однозначно приносящие несчастье В основе такой отрицательной характеристики лежат биологические свойства вороны и ворона (черный цвет, пронзительный крик, поедание падали), на которую наслоились христианские представления об этих птицах как олицетворениях сил ада и дьявола

Самый яркий персонаж подгруппы «врановых» – **сорока** Запрет на поедание мяса сороки в сочетании с другими обнаруженными признаками оборотень, антропоним, предсказатель, защитник человека в лесу, посредница в любовных отношениях, – заставляют склониться к мысли, что сорока в древности могла быть прародительницей некоторых вепских родов, покровительницей родственников

§ 6. «Ночные птицы: сова, филин». Судя по рассмотренным поверьям и меморатам, у вепсов существовали представления универсального характера о сове и филине как вестниках негативных событий Особое внимание уделяется мифологическому рассказу о жертвоприношении сове в виде брошенной одежды, который заставляет предположить связь этой птицы с родами (возможно, лесной хозяйки)

§ 7. «Летучая мышь». Взгляды на летучую мышь у вепсов обнаруживают полную противоположность У кашпинских вепсов появление летучей мыши в пределах домашнего пространства сулит смерть и несчастья членам семьи Данное поверье, видимо, является типологическим, поскольку находит аналогии у многих народов Европы (Германия, Кавказ, Россия) Шимозерские и северные вепсы рассматривают летучую мышь как носительницу счастья и богатства

§ 8. «Кукушка». На основе анализа различных текстов были выявлены следующие признаки, характеризующие кукушку – душа, вестница, носительница огня, символ весны и, следовательно, возрождения природы, «культурный герой», дающий человеку золото и другие металлы, прародительница клещей. Все они явно указывают на то, что кукушка в прошлом была почитаемой птицей у вепсов. Культурный комплекс о кукушке составили явления различного происхождения – общеевропейские (душа, вестница), славянские (связь с аграрным календарем), общеприбалтийско-финские (прародительница клещей).

§ 9. «Дятел». У вепсов повсеместно чрезвычайно устойчивы представления о том, что дятел своим стуком предсказывает смерть, они нашли отражение в поверьях и меморатах, приводимых в работе. Подобные представления были широко распространены у всех восточных славян, в Польше, Норвегии, Финляндии.

В § 10 и 11 главы рассматриваются мало примечательные виды вепсской мифологической орнитофауны – синица и снегирь – по народным представлениям птицы холода, и группа пернатой дичи – глухарь, тетерев, рябчик и куропатка.

Глава 3. «Звери». В отличие от класса птиц, у зверей обнаружилось гораздо меньше общих признаков. Главный признак, объединяющий практически всех зверей в один класс, – территория их постоянного обитания – лес с его духом-хозяином.

С классом зверей связаны некоторые пережитки промыслового культа по верованиям, дух леса мог принять образ любого лесного животного, но чаще всего медведя. Чтобы промысел был удачен, начало охоты на зверей обязательно сопровождалось жертвоприношениями духу леса различными продуктами из мира «культуры». По окончании промысла лесовому жертвовали часть добычи. Помимо верований и обрядов, известны и другие жанры вепсской культуры, где представлен класс зверей – фразеологизмы, сказки, сюжеты вышивки.

§ 1. «Медведь». Комплекс вепсских представлений о медведе, реконструируемый в данном параграфе с помощью междисциплинарных источников, свидетельствует о безусловном поклонении этому животному, существовавшем еще в период финно-угорского единства и прошедшем многие стадии развития. Исследование показало, что в основе древнего почитания медведя у вепсов лежали тотемистические представления и связанный с ними промысловый культ. В вепсской традиции были обнаружены практически все важнейшие элементы тотемистического комплекса, хотя и в различной степени сохранности. Культ медведя проявился у вепсов также в выделении его как самого главного среди других зверей. Главенство медведя в мире зверей восходит к его положению в

древней системе мироздания у некоторых финно-угорских народов сохранились архаичные представления о медведе как существе верхнего мира, спущенном с небес на землю. Предполагается, что отголоски таких представлений у вепсов «задержались» в топонимии и народной астрономии. Отдельные факты вепсской культуры (изображения медведя на древневепсских кресалах, поверья, загадки, сравнения) свидетельствуют о связи медведя через семантику «верхнего» мира с огнем, которая существовала и в мифологиях других финно-угорских народов. Свадебные обряды с медвежьей символикой, медвежье ряженье, снотолкование указывают на то, что медведь наделялся семантикой брака, плодородия и плодovitости. В дальнейшем мировоззренческий комплекс о медведе дополнялся и трансформировался под влиянием изменений, происходивших в общественно-историческом и хозяйственном развитии вепсов, а также в результате этнокультурного взаимодействия с русским населением. В работе на конкретных примерах (табуизмы на имя медведя, обряды «расправы» над медведем с целью охраны будущего урожая и т.д.) демонстрируются изменения в культуре.

§ 2. «Волк». Исследование показало, что некоторые верования и обряды, связанные с медведем и волком, идентичны (пастушеское табу молчания, отношение к духу леса и св. Георгию, примета на сон, ряд свадебных элементов). На основе сопоставительного анализа с данными других культурных традиций был сделан вывод о посреднической роли соседнего русского населения в распространении среди вепсов европейских верований в волков-оборотней. Попадая к вепсам, они включались в рассказы о звере с аналогичными свойствами – медведе и постепенно формировали синонимизм обоих образов в некоторых фольклорных жанрах (пословицах, сказках). В целом, волк выглядит менее ярким персонажем в вепсском традиционном мировоззрении, нежели медведь. Как показывают сравнительные материалы, подобная «расстановка» двух образов характерна и для верований других таяжных народов Евразии. Между тем, у южных и западных славян, а также у украинцев и южнорусского населения семиотический статус волка, напротив, занимает первое место среди других хищников, а жертвенные обряды и праздники в его честь демонстрируют культовое отношение к нему этих народов, чего мы на основе имеющихся источников не можем сказать о вепсах.

§ 3. «Пушные звери». На основе двух реальных признаков – ценного меха и невкусного мяса (за исключением мяса бобра) среди класса зверей выделяется подгруппа мелких пушных животных.

Особенно семантически насыщенным предстает образ **лисицы**. В ходе исследования удалось выявить некоторые элементы сакрального отношения к этому зверю – тотем, обладатель плодородных и лечебных

свойств, носитель огня Огненная символика лисицы наиболее отчетливо проступает при анализе обряда сжигания кострички и кумулятивных песен Скорее всего, перед нами отголоски некогда существовавшего культа лисицы

Белка, как и лисица, символизировала огонь и, в целом, наделялась отрицательным значением Это сближение было обусловлено, прежде всего, тем, что оба животных обладали одинаковой яркой окраской Однако остальные имеющиеся данные явно служат подтверждением того, что белка не была почитаемым животным у вепсов

Как было установлено, верования о ласке в облике духа хлеба у вепсов носят локальный характер (Прионежье, Шимозеро, Пяозеро) Данное обстоятельство, а также отсутствие этого образа в других жанрах вепсской культуры, вкупе с источниками по финно-угорским и славянским народам, привело к выводу о славянских истоках происхождения верований о ласке в вепсской среде

Мифологические представления, связанные с **барсуком**, были обнаружены только у капшинских вепсов Вместе с топонимическими данными, они указывают на вероятность распространения культа этого животного среди данной локальной группы вепсов в более ранние времена

В связи с истреблением **бобра** вепсский зооним, обозначающий этого зверя, исчез из памяти населения Тем не менее, материалы по финно-угроведению, данные по вепсской археологии (амулеты с изображением бобра) и топонимике, позволяют сделать вывод, что бобр являлся почитаемым животным у древних вепсов

§ 4. «Заяц». Исследование показало, что в традиционном мировоззрении вепсов заяц – яркий, семантически насыщенный образ Тем не менее, по представленным материалам, культ этого животного не прослеживается Анализ одного из «указателей» на возможный культ – запрета на зайчатину, зафиксированного в ряде вепсских деревень, привел к заключению об его библейском происхождении При этом проводниками в распространении библейских представлений могли быть русские крестьяне Значительное место в вепском мифоритуальном комплексе с образом зайца занимают типологические явления, характерные для многих европейских народов, и русские заимствования К специфическим особенностям вепсской традиции относятся представления и обряд, связанные с ранним отлучением зайчонка от матери, а также ритуалы защиты репы от зайцев

§ 5. «Лось и олень». На основе археологических источников и сравнительных материалов можно предположить, что у вепсов в древности лось (олень) считался культовым животным Ему приписывались небесное происхождение, невероятная скорость, дар предсказания, связь с вер-

ховным божеством, которому он предназначался в качестве жертвы Впоследствии культовое значение лося (оленя) было утрачено, в первую очередь, под влиянием перехода к производящей форме хозяйства – скотоводству В настоящее время лось фигурирует в приметах южных и пажо-зерских вепсов, предсказывающих несчастье, в легенде о жертвоприношении в Ильин день – у белозерских вепсов

Глава 4. «Змееобразные, земноводные и мышеобразные», как свидетельствует название, объединяет три группы животных Это объединение было сделано на основе выявленных мифологами универсальных представлений об общей природе змей, лягушек и мышей и их принадлежности к водно-подземному (нижнему) миру (В Н Топоров) В вепсской культуре такие представления явно обнаруживаются только в сказках на довольно популярный у вепсов международный сюжет «Мачеха и падчерица» (АА 480 А) В вепсском сюжете девочка, вслед за упавшим предметом (веретеном, кольцом), прыгает в прорубь или колодец и попадает в подземный мир Там она у лесной хозяйки или Бабы-Яги топит баню и моет ее детей – лягушек, ящериц, змей, мышей В связи с этими фактами в данной главе особое внимание уделено рассмотрению вопроса, касающегося реконструкции одного из звеньев народной зоо-классификации имелся ли у вепсов комплекс общих верований, объединяющий животных трех групп?

В § 1. «Змееобразные» выявляются представления о змее, ящерице, червяке, пнявке, волосатике, улитке, доказывається их принадлежность к одной группе Значительную часть параграфа составляет реконструкция комплекса вепсских представлений об образе змеи – ключевом в любой мифологической системе Этот комплекс оказался сложным и противоречивым С одной стороны, змея имеет связь с жизнью, плодородием, деторождением, богатством, с другой, является воплощением зла, причиной болезней и смерти, представителем мира мертвых Змея – хтоническое животное и в то же время может быть связана с водой и огнем, а по происхождению – с небом Различные взгляды народа, порою сосредоточенные в одном вепсском поселении, обнаруживаются на убийство змей (табу и поощрение), на привязанность к греху (греховное животное и судья грешников)

Такие факты, как частое изображение рептилий в мелкой скульптуре древней веси, запреты на убийство змей, их главенство в мире фауны, связь с огнем, сходство по многим представлениям с медведем, свидетельствуют о почтительном к ним отношении в древности Но это мнение полностью перечеркивается при анализе текстов вепсских противоземных заговоров Поэтому в настоящее время говорить что-либо о культе змей у вепсов не представляется возможным Под влиянием христианства

происходит негативное переосмысление образа змеи. Дожив до современности, идеи о змее как существе отрицательном и крайне опасном полочаюот среди вепсов значительный перевес

В вепском комплексе воззрений о змеях были выявлены локальные различия. Они касаются, в основном, наличия или отсутствия того или иного представления в вепской локальной группе. Так, у средних вепсов бытуют поверья о сорока матерях – жертвах медянки, а у южных – о закате солнца, с наступлением которого человек, укушенный медянкой, умирает. Капшинские вепсы верили в духа-хозяина хлева в облике змеи.

§ 2. «Земноводные». У вепсов сохранился однородно-позитивный мифоритуальный комплекс, демонстрирующий почтительное отношение к лягушке (табу на убийство, дух-хозяин хлева, символ плодородия, целительные и обережные свойства). Другой вид земноводных – жаба, считающаяся «поганой лягушкой», составляла противоположный полюс представлений: соотносилась с землей, была носителем болезней.

§ 3. «Мышеобразные» состоит из трех разделов. Первый раздел посвящен рассмотрению образов **мышы** и **крысы**. Крепкие зубы мышы и плодовитость способствовали появлению продуцирующих представлений, которые нашли отражение в ритуале «посвящения» мышы выпавшего молочного зуба ребенка и вепском фразеологизме, обозначающем наступление беременности. Судя по поверьям и магии, рассмотренным в работе, мышь у вепсов связывалась также с представлениями о смерти, убытках, голодом. В отличие от мышы, крыса – довольно бледный персонаж в традиционном мировоззрении вепсов.

Второй раздел посвящен символике **землеройки**. Отмечается, что землеройка по некоторым функциональным признакам имеет сходство с мышью.

В третьем разделе дается характеристика образа **крота**. Лексика, поверья и легенда, приводимые в работе, иллюстрируют пограничное положение крота между классом зверей и группой мышеобразных.

В конце главы подводятся итоги исследования трех групп животных. Констатируется, что у вепсов прослеживается общий комплекс представлений для змееобразных, земноводных и мышеобразных, который, в отличие от мифологий многих народов мира, имеет завуалированный характер. В раскрытом виде он выглядит следующим образом:

1) Представители трех групп относятся к водно-подземному миру. Поэтому для них в какой-то мере характерна такая же амбивалентная символика, как и у воды и земли: жизнь, плодородие природы и человека и в то же время – смерть и болезни. При этом наиболее ярко в верованиях выступает дурное значение животных. Их появление перед людьми сулит беду (смерть членов семьи, голод, войну и т.д.). Животные как сами по

себе, так и их ядовитые органы и вещества, наделяются способностью вызывать различные заболевания у людей и скота, порою неизлечимые или со смертельным исходом. Например, причины болезней от змеи – перешагивание через нее, отравление ядом, заползание в рот человека, от ящерицы и лягушки – попадание на кожу мочи, от волоса – внедрение в тело человека, от жабы – прикосновение к коже (бородавки), заползание внутрь (ангина), от мыши – съедение гнезда (общее отравление организма)

2) Змееобразные, земноводные и мышеобразные – нечистые существа. Некоторые из них использовались в магии вепсских колдунов (змеи, лягушачьи кости)

3) Против наиболее вредоносных представителей этих групп совершались обряды защиты. Причем в качестве оберегов иногда фигурировали одни и те же предметы, например, деготь (от змей и мышей), топор (от червей и мышей)

4) Иногда мертвое тело животных или его отдельные части применялись в обрядах как отпугивающее средство

5) В облике главных представителей трех групп (змеи, лягушки, мыши, крысы, крота) мог выступать дух-хозяин хлеба. По собранным данным удалось наметить географию распространения этих верований на вепсской территории. Шимозерские и пязозерские вепсы в качестве зооморфного образа духа хлеба называли ласку и мышь, белозерские – мышь и крысу, оятские – мышь, крысу, крота и лягушку, капшинские – змею и мышь, южные – лягушку, змею, мышь, крысу. Привлечение сравнительных материалов указывает на трудность определения этнических истоков этих представлений. Тот же набор животных, облик которых, по народным верованиям, мог принимать дух хлеба, встречается, например, на территории Финляндии и в славянских зонах. Однако, у вепсов представления о духе хлеба – мыши – явно преобладающие, в то время, как у финнов Финляндии таковыми являются представления о домашнем духе – змее.

Глава 5. «Рыбы». Исследование ихтиофауны в вепсской мифологии показало, что в традиционном мировоззрении вепсов рыбы – более, чем любой другой класс животного мира, – представлены собирательно. Нерывная связь рыб и водной стихии нашла отражение в ряде вепсских верований, обрядов, пословиц, загадок, фразеологизмов. Как и вода, рыба наделялась амбивалентной символикой. Продуцирующее значение рыбы объясняет ее использование в качестве ритуального блюда (рыбника) в любовной магии и свадебной обрядности вепсов. В тоже время, по вепским верованиям, рыба, запутавшаяся в сетях, предсказывает покойника (южные вепсы), а сны о ней толкуются как плохие предзнаменования.

(почти повсеместно) Рыба в обобщенном виде являлась объектом промыслового культа На это указывают верования об одушевлении рыб и приписывании им способности понимать человеческую речь, об отрицательной роли женщины в рыбной ловле, о водяном духе – хозяине рыб, зашифрованные в вепсском поведенческом комплексе

Видовое разнообразие рыб нашло крайне слабое отражение в традиционном мировоззрении вепсов § 1-4 посвящены рассмотрению символики **щуки, ерша, налима и кита** в вепсской традиции Обнаружены отдельные элементы сакрального отношения только к щуке, представляющие собой осколки древнего культа главенство среди рыб, дух-хозяин вод, мощный оберег, обладательница лечебных свойств, существо, связанное с космоприродными явлениями (лунными фазами, периодическими озерами)

Глава 6. «Насекомые». В ходе исследования определился ряд наиболее ярких образов насекомых, которым вепсская традиция оказывала предпочтение **божья коровка, бабочка, оса, пчела, мошкара, комар, слепень, муха, навозный жук, стрекоза, муравей, паук, кузнечик, сверчок, светлячок, клещ, домашние паразиты** Им посвящены 14 параграфов шестой главы Сложных мифоритуальных комплексов с этими видами насекомых не обнаружено Сравнение вепсского энтомологического ряда со славянским (прежде всего, русским), проведенное, благодаря использованию в нем фундаментального труда А В Гуры¹¹, позволило сделать вывод, что класс насекомых, как никакой другой, характеризует своеобразие вепсской традиции

Некоторые насекомые, имеющие особый мифологический статус у вепсов, никак не выделялись в славянской традиции, например, клещ, бабочка-моль, «красивая бабочка», кузнечик Кроме того, с частью энтомологических образов у вепсов были связаны специфические представления, отсутствующие у славянских народов Например, выстригание волос стрекозой, появление лишая от вши, происхождение клеща от кукушки, а вшей – от птиц, влияние оводов на посевы репы и т д К сожалению, слабая изученность мифологической энтомологии у финно-угорских народов не позволила нам провести более широкий сравнительный анализ и высказаться определенно об этнических корнях отдельных представлений

Некоторые верования и обряды, характерные для вепсов и других прибалтийско-финских этносов, оказали влияние на соседнее русское население (широкое использование муравьев в скотоводческой обрядности) Но в то же время в вепсскую культуру вошли и многие явления,

¹¹ Гура А В Указ соч С 416–526

заимствованные от русских Это, прежде всего, большое количество обрядов избавления от домашних паразитов

Как показало исследование, в народной энтомологической картине мира вепок отдельные виды насекомых являются маркерами определенных частей космического пространства Так, божья коровка и бабочка принадлежат верхней зоне, небу Они в какой-то мере функционально сопоставимы с чистыми птицами Паук с помощью своей паутины осуществляет связь между верхним и нижним мирами Именно по отношению к этим насекомым у вепок обнаруживаются элементы почтительного отношения запрет на убийство и наказание за него

Практически все остальные насекомые по целому ряду значений обнаруживают поразительное сходство с группой змеобразных, относящихся к водно-подземному миру Среди них можно выделить две подгруппы Первую подгруппу составляют образы насекомых, у которых положительные и отрицательные стороны уравновешены муравей, светлячок, «сверчковые» (кузнечик – положительный полус, сверчок – отрицательный), пчела Во вторую подгруппу входят персонажи с преобладающим отрицательным значением комары, мухи, слепни, осы, вши, клопы и тараканы

Большинство этих насекомых, как и змеобразные, являются носителями плодородия в различных природных сферах и у людей комар (знак изобилия даров леса и символ брака), слепень (изобилие репы), муравей (символ множества скота и женихов), светлячок (золото), кузнечик (созревание ржи) Некоторые из них – ярко выраженные вестники смерти (оса, муравей, сверчок, вошь) Эта группа насекомых может вызывать кожные заболевания (укусы, различные виды лишая и сыпь от вши) и другие неприятности (выстригание волос стрекозой)

Мухи, вши, клопы и тараканы относятся к нечистым представителям фауны Даты, в которые совершаются обряды их уничтожения, часто представляют собой известные дни борьбы со всевозможной нечистью – Великий Четверг, Рождество св Иоанна Предтечи, Крестителя Господня Происхождение некоторых насекомых также сходно с происхождением всей нечисти на земле в виде падения (по разным причинам) с неба на землю Так, вошь и клещ ведут свое происхождение от небесных созданий – птиц, сбросивших их сверху на людей Муравей был сброшен на землю Богом Мошकारа появилась в результате сожжения какого-то нечистого существа Отдельные представители этой группы (муравьи, вши) использовались в магии колдунов

Глава 7. «Домашние животные» начинается с определения класса, его групп и подгрупп По внешним морфологическим признакам класс домашних животных распадается на две группы Первая группа, условно

названная нами «домашние четвероногие животные», обладает тем же набором особенностей, что и класс зверей – морда, четыре лапы (ноги), шерсть (лошадь, корова, бык, овца, баран, свинья, коза, кошка, собака), вторая – класс птиц – «домашние птицы» (петух, курица) По приносимой человеку пользе в первой группе выделяются две подгруппы сельскохозяйственные животные (лошадь, корова, бык, овца, баран, свинья, коза) и выполняющие очистительно-обережные функции (избавление от мышей, охрана жилища) – кошка и собака Этим двум подгруппам соответствуют и свои территории нахождения в доме Сельскохозяйственным животным принадлежит хлев, а собаке и кошке – все домашнее пространство По наличию рогов и виду копыт (*копыта раздвоенные* – парнокопытные, *копыта нераздвоенные* – однокопытные) среди сельскохозяйственных животных выделяются «нерогатые однокопытные» (лошадь), «нерогатые парнокопытные» (свинья), рогатые парнокопытные (корова, бык, овца, баран, коза) Под влиянием библейских представлений лошадь и свинья относятся к нечистым животным и не употребляются в пищу, тогда как коровы, быки, овцы, бараны, козы имеют противоположное значение

§ 1 «Сельскохозяйственные животные» состоит из пяти разделов

Первый раздел посвящен реконструкции символики коня Как показано исследование, конь являлся почитаемым животным у вепсов Среди вепских представлений, связанных с конем, многие имеют индоевропейские истоки, например конь – жертва умершему, посредник между мирами, оберег, предсказатель, носитель плодородия и плодовитости, солнечный символ, неотъемлемый спутник верховного божества В дальнейшем эти представления получают разное развитие в вепсской традиции Так, еще в древности под влиянием христианизации у вепсов были прекращены жертвоприношения коней с употреблением жертвенного мяса, в отличие, например, от удмуртов, марийцев, хантов и манси Представление о коне – посреднике между мирами – при перемещении в лесную среду, развивалось по линии связи с главным духом вепсской мифологии – хозяином леса У вепсов, в отличие от индоевропейских народов, почти не сохранились представления о коне как солнечном символе В то же время большой толчок в развитии получили верования и обряды, направленные на благополучие коней, сохранение их здоровья и повышение плодовитости В комплексе культурных явлений, связанных с конем, некоторые формировались еще в период прибалтийско-финской общности (поверье об отыскании подводного клада жеребенком с младенцем), другие появились под влиянием русского населения (примета на ложь и врага, предания о выборе места для сооружения храма, обряды сева, заветные праздники и т д), третьи оказались продуктом самостоятельного развития (радуга как символ коня, пьющего воду)

Второй раздел посвящен мифоритуальной характеристике крупного рогатого скота – **быка и коровы**. На основе анализа большого массива разнообразных материалов делается вывод о том, что культ крупного рогатого скота (главным образом, коровы) до сих пор занимает центральное место в жизни вепских крестьян. Среди наиболее выразительных признаков, связанных с почитанием в разные века, можно назвать следующие космогонические идеи о соотношенности крупных копытных с водой, землей, небесной сферой и ее объектами (громом, молнией, дождем, солнцем, луной), огнем, сила плодородия, сходство с человеком, выраженное в обрядах и других явлениях вепской культуры, праздники в честь крупного рогатого скота, обряды, связанные с уходом за этими животными, отсутствие изгоняющих ритуалов, прародитель семьи по материнской линии (корова), жертва громовержцу (бык). В вепском мифоритуальном комплексе, связанном с крупным рогатым скотом, были выявлены компоненты разноэтничного происхождения: прибалтийско-финские, индоевропейские, многие из которых прошли через «фильтр» русского окружения, собственно русские и собственно вепские. Результат такой гетерогенности продемонстрировал, например, реконструированный в работе вепский ритуал новотела, в котором, наряду со многими элементами русского происхождения, выявился и ряд прибалтийско-финских и собственно вепских черт (название обрядов *argaita*, использование ольхи, камня *čuurkivi*, приготовление ячневой каши, кормление детей на пороге). Разное сочетание этих несходных по этническим истокам элементов и их неодинаковое развитие сформировали на вепской территории несколько типов ритуала, в какой-то мере совпадающих с основными этнодиалектными зонами.

Персонажами третьего раздела являются **овца и баран**. Отмечается, что эти домашние животные в вепской мифоритуальной традиции, в отличие от крупного рогатого скота, представлены намного бледнее. Некоторые элементы почитания имеют место – жертвоприношение барана св. пр. Илье у белозерских вепсов, предсказатель и аналог грома у южных вепсов, защитная и продуцирующая роль животного и его шерсти, но они, как правило, носят узколокальный характер и не составляют развитого культа. Реконструируемый вепский комплекс верований и обрядов, связанный с овечьим приплодом, шерстью, мясом выглядит маловыразительным, по сравнению с красочным и сложным комплексом, направленным на плодородие и получение больших удоев у коров. При этом некоторые верования и обряды на «овечью тему» – такие же, как у восточных славян.

В четвертом разделе определяется место **козы** в вепском традиционном мировоззрении. Козы в вепских деревнях появились поздно – толь-

ко в начале XX в. Тем не менее, образ этого животного обнаруживается в верованиях южных и капшинских вепсов. Вызывает также удивление популярность козы в вепсских сказках. Отмеченные явления из области духовной культуры приводят к выводу об их сравнительно позднем появлении в вепсской среде, скорее всего, под влиянием русского населения.

В пятом разделе рассматривается образ свиньи. Лексический материал показывает, что свинья была известна предкам вепсов еще до распада прибалтийско-финской общности. Однако на всем протяжении хозяйственной истории (с древности и до наших дней) разведение свиней у вепсов занимало незначительное место, по сравнению с крупным и мелким рогатым скотом. Видимо, это обстоятельство способствовало тому, что свинья не имела почти никакого значения в мифоритуальной системе вепсов. В вепсских представлениях свинья – это, прежде всего, носитель болезней (*sugased* ‘шетинка’, *ehhtitš* – болезнь от ругани, *siganišk* ‘свиная шея’). В способах лечения этих болезней отразилось своеобразие вепсской традиции.

§ 2. «Собака». Выявленные вепсские представления, связанные с собакой, обрисовали достаточно противоречивый образ. Восприятие этого животного другими, порою весьма отдаленными, народами, оказалось типологически сходным с вепсами. Однако воплощение этих представлений в определенных текстах вепсской культуры придало образу собаки у вепсов свой национальный колорит. Имевшие место в раннем средневековье жертвоприношения собак и тризны с вкушением их мяса исчезли с распространением среди вепсов христианства. Тем не менее, собака в вепсских представлениях сохранила причастность к преисподней. Ее связи с миром мертвых, с духами, излечивающая и защитная сила, запреты обижать животное являются свидетельствами существования почтительного отношения к собаке. Но по сравнению с конем и крупным рогатым скотом, это почитание было рангом ниже. Перечисленные сельскохозяйственные животные были возвышены до верхнего мира, имели связи с верховными богами, тогда как собака соотносилась с нижним миром, с духами низшей мифологии.

§ 3. «Кошка». Мифоритуальный комплекс о кошке ярок и противоречив. В нем выделяются достаточно убедительные верования и обряды, связанные с почтительным отношением к этому животному – связь с домашними духами, очищающая, излечивающая и продуцирующая сила, сходство с человеком, запреты на убийство и битье. Параллельно им под влиянием наблюдений над биологической природой кошки, социальных и религиозных факторов формируется противоположное мнение. При этом центром актуализации «кошачьих» представлений обоих полюсов оказалась территория расселения капшинских и южных вепсов.

§ 4. «Петух и курица». Эти домашние птицы занимали существенное место в верованиях, ритуалах и фольклоре вепсов, хотя еще в начале XX в куроводство было слабо развито в вепских деревнях. С петухом и курицей оказались связаны основные пространственно-временные идеи существования вселенной – верхний и нижний миры, чередование дня и ночи, они были воплощениями плодородия, предсказателями. Петух – символ солнца и огня, мощнейший оберег. Сравнительный анализ показал, что эти представления имели древнее индоевропейское происхождение. В вепской среде они получили разные витки развития. Солнечная и огненная природа петуха использовалась в сложении образов духов бессонницы *oragi* и домашнего очага *pačmrahkoi*, обережное значение петуха получило яркое воплощение в вепских заговорах от болезней. С развитием птицеводства курица стала объектом продуцирующих и предохранительных ритуалов. Многие из них были заимствованы от русских, у которых куроводство и связанный с ним комплекс обрядов оказались более развитыми. Отмечаются и некоторые региональные особенности вепских представлений и обрядов. На территории Межозерья важность петуха в обряде перехода в новый дом понижается с севера на юг. Для средних вепсов характерны более разнообразные обряды, связанные с разведением кур.

Глава 8. «Современные исполнители вепских мифологических рассказов о животных» посвящена анализу нынешнего состояния вепских мифологических представлений о мире фауны. Как показали экспедиционные работы, поверья и былички о животных до сих пор распространены среди вепсов. В главе перечисляются наиболее популярные в настоящее время сюжеты данного тематического цикла. Внимание к исполнителям позволило автору увидеть конкретных участников процесса передачи мифолого-религиозного наследия. Они представлены тремя группами. Первая группа активно использует традицию, вторая – хранит ее в памяти и изредка извлекает для собственных нужд, третья – изменяет и отвергает.

В **Заключении** подводятся итоги исследования, обобщаются выводы, частично сформулированные в главах работы, отмечаются перспективы дальнейшего изучения. Все результаты исследования сгруппированы в пять тематических блоков, отражающих выполнение намеченных цели и задач.

1 Итоги реконструкции «вепской галереи животного мира». Сопоставительный анализ вепских материалов с данными других народов показал, что для мифолого-религиозной традиции каждого этноса характерен свой неповторимый ряд животных. Достаточно вспомнить у вепсов основных персонажей фауны, составивших классы птиц, зве-

рей, рыб, насекомых и т.д., которые в комплексе отличались от славянской и финно-угорской традиций. Наделение особым символическим значением одних реалий и отсутствие внимания к другим всегда определяется самой культурой. Тем не менее, среди этих реалий обязательно будут явления, ожидаемые в каждой мифологической системе¹². Применительно к миру фауны, это образы животных, распространенные почти по всему миру и выделяемые практически всеми культурами, например, ворон (ворона), змея, бабочка и т.д. Еще более значительную группу составят типологические образы, характерные для народов, проживающих в таежной зоне. Это всегда самые сильные и опасные – медведь и волк, а также лиса, заяц, олень (лось) и т.д. Для народов, занимающихся скотоводческой деятельностью, – лошадь, крупный и мелкий рогатый скот.

2 Выделенный ряд животных в традиционном мировоззрении вепсов членится на «классы» – птицы, звери, рыбы, «змееподобные», «мышеподобные», земноводные, насекомые, домашние животные, внутри которых имелись более мелкие подразделения. Детальный анализ всего видового состава фауны в мифолого-религиозном аспекте позволил достроить недостающие звенья этнозоологической классификации вепсов и представить ее со всеми подробностями на схеме 2 Приложения.

3 Выявление культовых животных. Исследование продемонстрировало, что из животных, известных природному окружению вепсов, далеко не все были отобраны вепсской культурой, не все прямо или косвенно почитались. Культовый ряд представителей мифолого-религиозной фауны формировался под влиянием нескольких мотивов, выступающих вместе или по отдельности: польза, восхищение какими-либо свойствами и страх. Особо подчеркнем, что среди отсортированных животных не все имели важное хозяйственное значение (например, бабочка, лягушка) и не все полезные (преимущественно, из диких видов) оказались культовыми (например, промысловые тетерев, глухарь, рябчик, многие виды рыб).

Исследование показало, что в настоящее время достаточно трудно выделить культовых или почитаемых диких животных у вепсов. Зооморфные культы этой части фауны оказались чрезвычайно разрушенными. До нашего времени не сохранились культы лося (олень), бобра, которые явно существовали в древности у всех финно-угорских народов. Без сомнения почитаемыми животными у вепсов были медведь и водоплавающие птицы (утка, лебедь), сюда же можно отнести и гуся. Нам удалось выявить дожившие до современности достаточно целостные комплексы признаков, лежащие в их основе. Для культа медведя таковыми оказались

¹² Виноградова Л.Н., Петрухин В.Я. Первый выпуск «Энциклопедии уральских мифологий» // ЖС, 2001, № 1. С. 54

1) тотем, 2) носитель огня, 3) дух-хозяин леса, 4) символ плодородия и плодovitости, 5) самый главный среди зверей, для культа водоплавающей птицы 1) тотем, 2) прародительница мира, 3) источник расцвета природы, плодородия, плодovitости, 4) душа Эти комплексы оказались идеальной моделью для определения культов и их сохранности у других диких животных и птиц Так, сравнение образов лебедя и журавля позволило сделать вывод о существовании культа последнего у вепсов

Культовые представления о животных могли различаться по классам В вепсской традиции только для летающих представителей фауны (некоторые птицы, бабочка) характерны идеи о душе, поскольку они связаны с небом, символизирующим легкость и чистоту Вокруг образа медведя сконцентрированы многие идеи промыслового культа, как бы отражающие материальную основу жизни – достаток На эти идеи обращалось внимание и при изучении других объектов охоты и рыболовства В результате представлениями, связанными с промысловым культом, оказались охваченными весь класс рыб и наиболее яркий их представитель – щука, а также лесной зверь – барсук

Однако выявленные формы почитания животных настолько многообразны, что их не всегда можно втиснуть в рамки какой-либо классификации Почитаемыми у вепсов являлись также ласточка, божья коровка, паук, лягушка С каждым из этих животных существ были связаны достаточно однородные представления, не образующие сложных комплексов Эти представления, имеющие разный жанровый диапазон, как правило, выражались в положительной оценке названных персонажей и запрете на их убийство

В вепсской традиции имеется также целая группа диких животных, по отношению к которым выявляются один (бекас, голубь) или несколько (сова, филин, сорока, ястреб, летучая мышь, волк, лисица, заяц, змея, ящерица, мышь) признаков почтительного отношения, чаще всего локального характера Однако культового комплекса эти признаки не образуют или же они затушевываются пренебрежительной или крайне отрицательной характеристикой животного персонажа, дополняемой обрядами обережного или изгоняющего характера Как было установлено, в ряде случаев перед нами различная степень эволюции древних культов (угасание одних представлений, пик развития других), отразившая влияние многих факторов Например, на формирование вепсских представлений о волке – культовом животном у многих народов зоны смешанных лесов, лесостепей и степей – повлияли природный фактор – присутствие более крупного и сильного хищника тайги – медведя, развитие скотоводства, средневековая христианская традиция

В ходе исследования домашних животных выяснилось, что большинство из них у вепсов входило в разряд почитаемых, однако степень этого почитания была различной. Самые полезные домашние животные - конь, корова, бык, определяющие благополучие вепсского крестьянина, - были и самыми почитаемыми. Культ этих животных не входит ни в какие сравнения с другими зооморфными культами (за исключением, конечно, культа медведя), его основные признаки – космическая сопричастность практически со всеми значимыми объектами вселенной, сила плодородия, уподобление и близость с человеком, нашедшие отражение в обрядах и других сферах вепсской культуры, наличие лошадиных и коровьих праздников, густая сеть разнообразных обрядов заботы об этих животных, отсутствие негативных ритуалов, жертва (бык, корова) или обязательный спутник (конь) бога грома.

4 Причины негативных проявлений. Безусловным фактором, влияющим на отношение народа к животному, были изменения в хозяйственной деятельности. Появление земледелия и животноводства у вепсов еще в древний прибалтийско-финский период развития, рост их доли в комплексном хозяйстве влияли на культовые представления народа, связанные с миром фауны. Нападение диких животных на скот, кур, порча посевов (овса, репы) способствовали появлению обрядов защиты урожая и домашних животных от представителей дикой фауны, прежде представляющих объекты тотемистических и промысловых культов (медведь, волк, заяц, ястреб) или мало заметных (черви, мыши). Однако некоторые звери (медведь, заяц) продолжали служить важными источниками питания, поставщиками меха. В этих условиях связанные с ними промысловые культы не исчезали совсем, а сохранялись и развивались, в то же время срастаясь с новыми верованиями и обрядами, характеризующими того или иного представителя фауны с отрицательной стороны. В современных народных классификациях такое животное часто определяется словом «вредное».

Аграрная культура накладывала отпечаток на весь облик народа, в том числе и на его морально-нравственные ценности. Важным качеством крестьянина считалось трудолюбие, праздное времяпровождение в будни осуждалось. Эти идеи переносились и на мир фауны, так как человеку свойственно соотносить себя с другими жителями вселенной. Например, медлительная походка медведя, его длительная зимняя спячка способствовали появлению негативных представлений о ленивости этого животного, дневной сон летучей мыши в подвешенном вниз головой состоянии – о ее бесцельной праздности.

Существовал и другой путь изменения культа под влиянием хозяйственной деятельности. Среди всего почитаемого вида животных выделялись вредные /не культовые и полезные (или безобидные)/культовые

Так, появление и развитие овощеводства, видимо, повлияло на южно-вепские представления о почитаемых бабочках. Среди них выделяются вредные – капустницы, которые уничтожаются, и неприкасаемые красивые (*baskatzed*) бабочки – души предков.

Наконец, деятельность человека приводила к исчезновению некоторых зооморфных культов. Хищнический промысел бобров сказался на том, что уже во второй половине XIX в эти животные во многих районах России, в том числе и в Карелии и Межозерье, были полностью истреблены. С исчезновением бобров был разрушен и культ этого животного. Видимо, очень давно из природного окружения вепсов исчез орел-беркут, оставив в память о себе только один намек на предполагаемый тотемизм – антропоним Охота, сокращение лесных массивов, рост народонаселения способствовали перемещению дикого оленя с территории Межозерья и южной Карелии дальше на север. В результате в записанных нами легендах, в отличие от наших предшественников, главным героем всегда является лось, а не олень. Кроме того, легенды о лосях (оленях), распространенные у многих европейских народов, отразили переход от охотничьих обрядов размножения и воскрешения зверей к сложению земледельческо-скотоводческих культов. О постепенной замене старых зооморфных культов скотоводческими говорят и археологические находки некоторых древневепских курганов: кости крупного рогатого скота, наряду с остеологическими останками диких животных (кабана, медведя, лося и др.), представляющие собой остатки похоронных трапез, а также подвески-коньки с признаками лося.

Важное влияние на древние идеи о животных и их культы оказала также христианская религия со своими представлениями о мире фауны. Христианский налет заметен в народных определениях некоторых пернатых: ласточка, лебедь, голубь – Божьи птицы, в запретах на поедание мяса отдельных видов нечистых животных – зайцев в Шимозере, Пондале, Войлахте, кур в Пяжозере, лошадей и собак (повсеместно). Средневековая «охота на ведьм», получившая размах в Европе под воздействием инквизиции, оставила резко негативный отпечаток на образах волка, лисы, змеи, вороны (ворона), кошки и т.д., сделав их олицетворением дьявольской природы.

Вепские мифологические представления о ряде животных соединились с бродячими сюжетами народно-христианских легенд. В процессе такого сплава древние идеи иногда оказывали влияние на выбор положительного или отрицательного персонажа легенд. Так, положительная роль паука у вепсов подкреплялась легендами. Точно также и отрицательный взгляд на ястреба, возникший с появлением куроводства, получал новый импульс уже в духе христианизированной легенды.

С распространением христианства прежние мифологические персонажи – «хозяева» территорий, связанные с миром фауны, стали сосуществовать вместе с образами святых православной церкви, постепенно превращавшимися в покровителей некоторых видов и классов животных. К ним вепсы обращались с заговорами и молитвами, чтобы обеспечить успех в рыбной ловле и охоте, уберечь скот от диких зверей и т.д.

Элементы почтительного отношения к некоторым видам животных были обнаружены не на всей территории расселения вепсов, а только в отдельных локальных очагах, например, почитание духа-хозяина хлева в облике мыши в Сяргозере, Пондале, Шимозере, Пяжозере, в облике змеи – у капшинских вепсов. В связи с этим фактом перед нами вырисовывается картина, возможно связанная своими истоками с тотемизмом, когда у каждой вепсской группы (рода) почитались свои животные. При этом к животному, почитаемому одной группой, другие испытывали отвращение и ненависть. Это говорит о том, что не все культы животных, возникнув в эпоху тотемизма, впоследствии развились в общенародные.

Локальные отличия могли формироваться и за счет разной степени сохранности общих этнических традиций и их локального варьирования, а также конкретных особенностей этнокультурной ситуации, характерной для каждой этнолокальной группы вепсов. Источником локального распространения в вепсской среде некоторых образов животных или отдельных связанных с ними представлений и обрядов, в том числе культового или негативного характера, могло быть и соседнее русское население.

Анализ материалов привел к выводу, что определение культов животных следует вести с позиции представителя традиционной культуры, тогда многие негативные явления предстанут в ином свете. В традиционных культурах реальные и мифопоэтические представления неразрывно связаны. Образ того или иного почитаемого животного являлся средоточием не только культовых верований и обрядов, но и представлений (иногда отрицательных), основанных на наблюдениях практического свойства.

Почитание (преимущественно, в промысловом и скотоводческом культах) не было препятствием для убийства животного, если это было нужно для питания, лечения или другой пользы человека (например, убийство лягушки для лечения ран лягушачьей кожей, быка для получения мяса). Оно не рассматривалось как неуважительное обращение и низвержение культа. Под неуважительным обращением крестьяне понимали убийство животного жестоким способом (например, уродование органов животного, пока оно еще живо, насмешки и прочие издевательства над живым или мертвым телом), а также причинение вреда без всякого повода, ради забавы (например, принос мертвого барсука из леса и показ его всей деревне, прокалывание оводов соломинкой).

По вепским представлениям, многие животные могли принести болезнь человеку, но не во всех случаях это вызывало негативные представления и обряды. Среди таких животных выделяются две категории. Первую категорию составляли положительные, полезные или почитаемые (например, ласочка, собака, кошка, свинья), вторую – вредные или имеющие общую отрицательную характеристику (змея, кусающие насекомые). Болезни от первой категории животных, как правило, являлись наказанием человека за недостойное поведение к представителю фауны. Например, появление у младенца щетинки объяснялось нарушением запрета матери в период беременности пинать свинью или кошку. Таким образом, поступки первой категории животных имели оправдание, в то время, как второй – нет.

4. Итоги этногенетического исследования. Каждое животное, отобранное вепской культурой, обладало одним или несколькими свойствами различного происхождения (универсального, типологического, субстратного, самобытного характера, а также заимствованиями). Например, представления о вóроне (вороне) у вепсов типологически сходны с другими европейскими народами и отличаются от палеоазиатских. В суммированном виде весь ряд животных, имеющий различные пучки представлений, придает «мифолого-религиозной фауне» вепсов многослойность. Наряду с универсальными и типологическими явлениями, в ней были выделены субстратные пласты. Самым ранним, слабо сохранившимся, является пласт культурных явлений, восходящий к финно-угорскому периоду: запрет на убийство лебедя и поедание лебединого мяса, представления о небесном происхождении медведя и его связи с огнем, об избирательности нападения зверя – только на женщин, беременных мальчиком, культы бобра и лося, верования о духе-хозяине воды в облике шуки и т. д.

Следующим по времени является прибалтийско-финский пласт. К нему можно отнести миф о зарождении мира из яйца утки, представления о кукушке – прародительнице клещей, жабе – носительнице кожных болезней, мифоповеденческий комплекс о связи кошки со змеей, верования и обряды с применением ольхи, использование муравьев в скотоводческой и любовной магии, крота – в пастушеской обрядности и т. д.

Диссертационное исследование позволило выделить слой собственно вепских явлений, например названия и реалии периодов вепского календаря – *paimenen aig* и *veraz aig*, разделяющих животных на два класса – домашних и диких, обряды жертвоприношения твораго водоплавающей птице, сжигания кострички, рыболовной магии с поленом – «шучкой», способы защиты хлебных запасов от мышей, жизнеутверждающие приметы о клеще, многие фразеологизмы, пословицы и поговорки с образами животных и т. д. Большая часть названных явлений, как правило,

являлась специфической субэтнически, т е распространялась не на весь вепсский этнос, а только на отдельные его части – этнодиалектные и этнолокальные группы

В результате анализа было обнаружено несколько пластов культурных заимствований. Изучая образы домашних животных, мы выделили индоевропейский пласт многих вепсских зоонимов и представлений. Индоевропейские заимствования вливались в вепсскую традицию двумя путями в прибалтийско-финский период через контакты с балтийскими или германскими племенами или же позже – через русское окружение и приобретали своеобразные черты. Например, отрицательное снотолкование о коне или корове, выраженное в особом термине *hengastusk* (букв «тоска в душе»), представление о связи коровы с луной, отразившееся в приметах об уменьшении удоев молока на «первые косу и серп» и ущерб луны и т д.

Мощный пласт составляют русские заимствования. Сравнительный анализ вепсских, славянских и финно-угорских материалов, по возможности проведенный нами в каждой главе, показал, что бесспорно русскими по происхождению были, например, медвежья потехи, инсценировки ряженых с «быком», обычай принесения «заячьего гостинца» из леса, верования о змейке счастья, духе хлеба в облике ужа (капшинские вепсы), вшак – символе богатства (северные вепсы), образы сокола (шимозерские вепсы), куницы, соболя, кита в фольклоре вепсов, приметы о первом пойманном ерше, о множестве комаров, загадки о пчелах, многие обряды ухода за домашним скотом и курами и т д.

В целом, изучая символику представителей фауны на вепсских материалах, нам, как и многим исследователям, пришлось убедиться, что разнообразие идей о животных бесконечно и имеет перспективы дальнейшего более углубленного изучения по каждому из выдвинутых положений.

Результаты диссертационного исследования изложены в следующих публикациях

Монографии:

1 Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов (конец XIX – начало XX в.) СПб, 1994 124 с

2 Традиционные праздники вепсов Прионежья Петрозаводск, 1996 139 с

3 Прибалтийско-финские народы России М, 2003 Коллективная монография / Отв редакторы Е И Клементьев, Н В Шлыгина Раздел «Вепсы» глава 6 «Традиционные хозяйственные занятия» С 369–380, глава 8 «Семья и обряды жизненного цикла» § 1 «Семья и семейный быт» С 406–407, § 2 «Родильная обрядность» С 407–412, § 4 «Похо-

ронно-поминальная обрядность» С 419–425, глава 9 «Мифология и верования» С 426–436, глава 10 «Календарные праздники и обряды» С 437–448

4 Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции) Петрозаводск, 2006 448 с

Статьи в рецензируемых научных изданиях

5 Северновепские престольные праздники традиции и современность // Этнографическое обозрение, 1995, № 6 С 50–67

6 Вепская народная классификация животного мира (опыт реконструкции) // Этнографическое обозрение, 2006, № 4 С 126–139

7. Символика змеи в вепских заговорах // Традиционная культура, 2006, № 2 С 30–42

Статьи и материалы докладов на конференциях

8 Обряд колядования у вепсов (некоторые итоги изучения) // Годичная научная сессия Института этнографии Л, 1985 С 41–42

9 Ряжение в традиционном и современном быту вепсов // Актуальные вопросы общественных наук Тезисы докладов Петрозаводск, 1985 С 79–80

10 Некоторые итоги изучения вепского народного календаря // Этнокультурные процессы в Карелии Петрозаводск, 1986 С 49–65

11 О региональной типологии первого выгона скота у вепсов // Все-союзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1984–1985 годов Йошкар-Ола, 1986 С 117–118

12 Ритуал первого выгона скота на пастбища // Обряды и верования народов Карелии Петрозаводск, 1988 С 4–26

13 Вепские заветные праздники охраны скота // Проблемы истории и культуры вепской народности Петрозаводск, 1989 С 119–130

14 Отражение культа огня в обряде сжигания кострики у вепсов // Soome-ugri rahvaste etnograafia Tartu, 1990 С 49–50

15 Аграрная обрядность начала зимы в вепском народном календаре // Обряды и верования народов Карелии Петрозаводск, 1992 С 5–27

16 On the reconstruction of the ancient Vepsian supreme God Jumou // Specimina Siberica T YI, Uralic Mythology Savariae, 1993 S 187–191

17 Pienen kansan suuret juhlat // Vepsalaiset tutuiksi kirjoituksia vepsalaisten kulttuurista Joensuu, 1994 S 129–143

18 Сущность и происхождение огня в вепской мифологической традиции // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры Сыктывкар, 1996 С 43–49

19 Домашние животные опыт реконструкции некоторых мифологических образов у вепсов // Традиционная культура финно-угров и соседних народов Петрозаводск, 1997 С 100–103

20 Некоторые параллели в обрядности вепсов и севернорусских // Историческая этнография Русский Север и Ингерманландия СПб, 1997 С 94–99

21 Новые материалы о колдовстве у южных вепсов // Из истории Санкт-Петербургской губернии Новое в гуманитарных исследованиях СПб, 1997 С 37–47

22 Река в традиционном мировоззрении вепсов // Природа и цивилизация Реки и культуры СПб, 1997 С 190–195

23 Пернатое царство в мифологических представлениях вепсов // Фольклористика Карелии Петрозаводск, 1998 С 49–58

24 Aansvepsalaisten kirkkopyhat perinteet ja nykyaika // Ison karhun jalkelaiset Helsinki, 1998 S 99–118

25 Karhunpalvonta vepsalaisilla // Carelia, 1999, № 10 S 129–134

26 Мифологические представления о природе в современном мировоззрении шимозерских вепсов // III Конгресс этнографов и антропологов России Тезисы докладов М, 1999 С 250

27 Огонь в мифологии вепсов // Вепсы история, культура, межэтнические контакты / Ред И Ю Винокурова Петрозаводск, 1999 С 148–167

28 Водоплавающие птицы в мифологических представлениях вепсов // Гуманитарные исследования в Карелии Петрозаводск, 2000 С 93–98

29 Современные исполнители вепских быличек о животных // Мастер и народные художественные традиции Русского Севера Петрозаводск, 2000 С 34–41

30 Vepsian water spirits on the reconstruction of some mythological beliefs // Summaria acroasium in sectionibus et symposiis factarum Pars III, Tartu, 2000 S 399–400

31 Демонологические представления «обрусевших» вепсов Вологодской области // Живая старина М, 2001, № 3 С 14–17

32 Прионежье этническая история ареала // Очерки исторической географии Северо-Запад России Славяне и финны СПб, 2001 С 310–324

33 Хлев в обрядах и верованиях вепсов // Живая старина М, 2001 С 38–41

34 О культе медведя у вепсов (итоги комплексного изучения проблемы) // Финно-угры и соседи Проблемы этнокультурного взаимодействия в Балтийском и Баренцевом регионах СПб, 2002 С 102–114

35 Вепсская этнозоологическая классификация змей и севернорусские параллели // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера Петрозаводск, 2003 С 157–159

36 «Змееподобные» животные в этнозоологической классификации вепсов мифы и реальность // V конгресс этнографов и антропологов России Тезисы Омск, 2003 С 158

37 Вепские заговоры как источник для реконструкции мифологических представлений о животном мире // Мавродинские чтения 2004 Актуальные проблемы историографии и исторической науки СПб, 2004 С 294–295

38 Конь и потусторонний мир в традиционных представлениях вепсов (опыт сравнительно-исторической реконструкции) // Народные культуры Русского Севера Фольклорный энтитет этноса Архангельск, 2004 Вып 2 С 169–176

39 Vepsalaisten mytologis-uskonnollisista käsityksistä // Vepsa Maa, kansa, kulttuuri (Toimittanut Lassi Saressalo) Tampere, 2005 С 136–151

40 Vepsalaisten vuotuisjuhlista ja rituaaleista // Vepsa Maa, kansa, kulttuuri (Toimittanut Lassi Saressalo) Tampere, 2005 С 74–85

41 Животные водно-подземного мира итоги реконструкции общих мифологических представлений у вепсов // Summaria acroasium in sectionibus Folkloristica Ethnologia Litteratura Archaeologia Anthropologia Ethnic Historia Joshar-Ola, 2005 S 16–17

42 Этногенетические истоки традиционных представлений о домашних птицах у вепсов // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона Петрозаводск, 2005 С 69–74

43 Вепские водяные духи (к реконструкции некоторых мифологических представлений) // Современная наука о вепсах достижения и перспективы (памяти Н И Богданова) Петрозаводск, 2006 С 314–328

44 Традиционные праздники вепской деревни на рубеже XX–XXI вв // Вепсы и этнокультурные перемены XX века Хельсинки, 2006 С 24–25

Изд лиц № 00041 от 30 08 99 Формат 60×84 1/16
Бумага офсетная Гарнитура «Times»
Уч -изд л 2,6 Усл печ л 2,7 Подписано в печать 18 09 07
Тираж 100 экз Изд № 44 Заказ № 680

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, Петрозаводск, пр А Невского, 50